

ИСТОРИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ИЗУЧЕНИЯ КУЛЬТУРНЫХ ПРОЦЕССОВ

УДК 008:14

С. А. Никольский

<https://orcid.org/0000-0003-2202-2043>

Крестьянин на войне в философской прозе Андрея Платонова и Виктора Астафьева

Статья подготовлена в рамках проекта РФФИ № 18-011-00278

«Мировоззрение российского земледельца в контексте задачи укрепления народного единства»

Для цитирования: Никольский С. А. Крестьянин на войне в философской прозе Андрея Платонова и Виктора Астафьева // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 4 (115). С. 163-168.

DOI 10.20323/1813-145X-2020-4-115-163-168

Крестьянство, до середины XX столетия бывшее в Российской империи, Российской Федерации и в СССР синонимом народа, – это социальный слой, основная, более двух третей, часть населения страны. О его неразвитости, архаичности, начальном овладении культурой, всегда сложных отношениях с властью, равно как и с интеллигенцией – просветителем и «ходатаем», верно сказано и справедливо написано бесконечно много. Но негативное о крестьянстве – не вся правда. Много доброго, о чем тоже заявлено, оно несет и хранит в себе, невзирая на зло, помимо зла, вопреки злу. Свое доброе начало крестьянин обнаружил и на великой войне, справедливо названной Отечественной, хотя и велась она тоталитарным государством. Судить о крестьянстве в условиях войны, не будучи ее участником, а полагаясь лишь на документы и свидетельства очевидцев, то есть на нечто вторичное, – удел любого современного исследователя. Но среди очевидцев есть участники, наблюдатели и даже мыслители, оставившие нам знание с большой буквы. Таковы авторы собственных концепций российской философии истории и одновременно создатели произведений, которые относятся к жанру художественной философии, – Андрей Платонович Платонов (серия рассказов о войне) и Виктор Петрович Астафьев (роман «Прокляты и убиты», рассказы, повести). Один – офицер, военный корреспондент, другой – рядовой, солдат-телефонист. Их тексты – разнятся по жанру и масштабам философского охвата реальности, но они, тем не менее, – важные элементы общей мозаики, называемой «мировоззрением российского крестьянина».

Ключевые слова: крестьянство, человек, власть, история, литература, философия, война, тоталитаризм.

HISTORICAL ASPECTS OF THE STUDY OF CULTURAL PROCESSES

S. A. Nikolsky

The peasant at war in the philosophical prose of Andrey Platonov and Viktor Astafiev

The peasantry, which until the middle of the twentieth century was synonymous with the people in the Russian Empire, the Russian Federation and the USSR, is the social stratum, the main, more than two thirds of the country's population. It is true and justly written infinitely much about its undeveloped, archaic, initial mastering of culture, always difficult relations with the authorities, as well as with the intelligentsia – the educator and «intercessor». But the negative about the peasantry is not the whole truth. A lot of good, which is also stated, it carries and stores in itself regardless of evil, in addition to evil, inspite of evil. The peasant found his good beginning in the great war, justly called the Patriotic war, although it was waged by a totalitarian state. To judge the peasantry in the conditions of war, without being a participant in it, and relying only on documents and eyewitness accounts, that is, on something secondary, is the lot of any modern researcher. But among the eyewitnesses there are participants, observers, and even thinkers who left us substantial knowledge. These are the authors of their own concepts of the Russian philosophy of history and at the same time the creators of works that belong to the genre of artistic philosophy – Andrey Platonov (a series of stories about the war) and Viktor Astafiev (the novel «Cursed and killed», stories, novellas). One is an officer, a war correspondent, the other is a soldier, a telephone operator. Their texts differ in genre and scope of philosophical

coverage of reality, but they are nevertheless important elements of a common mosaic called the «world-outlook of the Russian peasant».

Keywords: peasantry, people, government, history, literature, philosophy, war, totalitarianism.

...Эх, милый человек, что нам немец, если по уму его мерить!

Разве устоит он против нашего соображения?

Он не устоит, он не может: мы по своему сознанию первее его, потому что мы судьбы больше испытали!»

Андрей Платонов. Офицер и крестьянин

...Легче всего, первыми разлагаются партийные работники, военные.

Варлам Шаламов. Что я видел и понял в лагере

* * *

Вынесенные в эпиграф две мысли – не только мнения частных лиц. За каждым автором – собственная историсофская концепция о современной ему советской России, предшествующем ей времени, а также свое видение будущего.

В связи с последним замечанием – проблемой глубины памяти – подумаем о том, насколько она «жива», то есть сохраняется в человеке как в явном, так и в неосознаваемом виде. На поверхности – вербальные способы трансляции истории внутри семьи, в социальной группе, в культуре. А если это было тоталитарное время, когда разрешалось и не было опасным сохранять и воспроизводить лишь ту память, которая соответствовала официально утвержденной и принятой? Неужели все остальное, в эту официальную, искаженную и урезанную память не вмещавшееся, не только не обнаруживало себя явно, но и никак не давало о себе знать другими способами, исчезало вовсе?

Вряд ли. Ведь тогда нам пришлось бы пренебречь провидческим наблюдением Ивана Бунина: «...слишком скудно знание, приобретаемое нами за нашу личную краткую жизнь – есть другое, бесконечно более богатое, то, с которым мы рождаемся» [Бунин, 2000, с. 5]. Но как по «слоям» (если – по «слоям») в бунинской «знании-памяти» распределяется прошлое и сколь оно глубоко? Не этот ли общий объем имеет в виду платоновский старик, говоря, что «...мы судьбы больше испытали»? Ведь речь не об отдельном человеке, а обо всем русском народе в сравнении с народом германским, и испытанное – не только недавнее.

Предполагаю, что в общественном сознании разных социальных слоев (в данном случае речь о крестьянстве) историческая память дает о себе знать «слоями» или «волнами» разной длительности. И, наверное, чем масштабнее и значительнее

переживаемое явление, чем оно глубже затрагивает самые основы жизни, чем более несет с собой страдания, тем больше, долговременнее и тем длиннее оно во времени, то есть эта историческая «волна» достигает более дальних рубежей. И содержание «волны» не только «помнится» в устной передаче новым поколениям, но живет и работает подспудно, в том числе и входя в «знание, с которым мы рождаемся». Свое проявление «волна» материализует помимо и вне зависимости от ясного, каждодневно работающего сознания человека, поскольку, в отличие от подспудного проявления «волны», прижизненное сознание пребывает в состоянии постоянного окультуривания и легко поддается идеологической обработке.

Именно такое объяснение выглядит рациональным в отношении эмпирически фиксируемого Варламом Шаламовым и отмечаемого другими писателями-лагерниками факта, что быстрее, первее «ломаются», «разлагаются» партийные работники и военные. И, напротив, дольше всех в человеческом облике держатся «религиозники», крестьяне-«кулаки» и «националисты» – тоже крестьяне, но отличающиеся от советских тем, что они репрессированы, выселены и сосланы не как советские, в начале 30-х гг., а в начале 40-х из присоединенных к СССР по сговору с Гитлером из Прибалтики и западных областей Украины и Белоруссии (пакт Молотова – Риббентропа от 23 августа 1939 г.).

На основании шаламовского наблюдения можно предположить: крестьянство более стойко как на войне, в столкновении с немцами, так и в устроенном советской властью лагерном аду. Попробовать объяснить это на примере военной прозы писателей-фронтовиков я и постараюсь в тексте, но с одной оговоркой: выделить среди наблюдаемых на войне военных – командиров и солдат тех, кто происходит из крестьян, и судить об их стойкости или податливости сложно, если вообще возможно. Нет в военной прозе достоверных и четких наблюдений о происхождении из крестьян отдельно о командирах и отдельно о солдатах, да и вряд ли они возможны. А вот то, что касается «партийных», а точнее – исполняющих партийность по должности, наблюдения отчетливы и даже просматривается закономерность: чем выше ранг – комиссара, а позднее – политического руководителя – заместителя командира (начиная если

не с батальона, то с полка и выше), тем негативнее его оценка писателями-фронтовиками, тем жестче суждение, порой превращающееся в прямое обличение в трусости и подлости.

* * *

Возможно, наиболее подробно портрет молодых крестьян, ставших в 1942 г. призывниками, мы находим в романе Виктора Астафьева «Прокляты и убиты», в котором они представлены как выживающие вначале в условиях учебного полка, а потом и на фронте. Несколько месяцев в полку, поздней осенью и ранней сибирской зимой, они живут в бараке с обледенелыми стенами, постоянно голодные, без достаточного обмундирования, с редкими военными занятиями, но с регулярной бессмысленной маршировкой и промыванием мозгов малограмотными политруками. Цель «учебы» – приучить к безропотному повиновению, поселить в людях страх, заставить бояться начальников, считать себя вещью в их руках. Исключений среди крестьянских парней немного. Это либо от природы отчаянные, либо уже побывавшие в уголовке, а также редкие верующие – в романе солдат-старообрядец.

В «учебе» молодых бойцов есть и показательные уроки. Например, измученные голодом братья Снегиревы на несколько дней покидают расположение полка, чтобы в своей недалекой родной деревне повидаться с матерью. Возвращаясь, они тащат вещевые мешки с продуктами для сослуживцев. Проступок братьев квалифицируют как дезертирство, и присланная воинская команда устраивает, ради устрашения полка, показательный расстрел. Командует майор-прокурор. Совершив казнь на глазах ошеломленного, ощущающего плохо скрываемую ненависть молодого крестьянского воинства, он садится в сани и рассуждает о том, что не хочет русский народ «ни понимать, ни ценить» советскую власть и ему выпала незавидная судьба – тянуть ляжку «ответственной, но неблагодарной работы», которую ему поручила сталинская партия [Астафьев, 2007, с. 161].

Среди военных, совершавших геройские или, напротив, позорные поступки, сложно выделить не только тех, кто происходил из крестьян, но и представителей иных социальных групп. Но вряд ли ошибочно предположить, что от половины до трех четвертей все же были из крестьянства. Впрочем, рождение не означает сохранения присущего социальной группе мировоззрения, наличия у человека того изначального набора нравственных смыслов и ценностей, которые выраба-

тываются каждодневным крестьянским коллективным (в последнюю очередь, колхозным) трудом, тесной связью с природой. К тому же в некрестьянской жизни бывших крестьян в полную силу вступала «перековка» советским бытием и ленинско-сталинской идеологией. И то, что получалось в результате советской культурной «перековки», было тем заметнее, чем большее время эта «перековка» занимала, хотя и зависело также от того, в какой новой социальной среде она шла. Вполне вероятно, что в приведенном выше примере из романа Астафьева не только казенные солдаты, но и палач, майор-прокурор, родом из крестьян.

Вообще служба в армии для многих деревенских парней была благом. Прошедший эту школу отечественный философ А. А. Зиновьев вспоминает: «Сравнительно сытная еда и хорошая одежда, гигиена, спорт, обучение грамоте, политическое просвещение, воспитание, обучение профессиям шоферов, трактористов, механиков – все это имело следствием то, что армия пользовалась в народе уважением и любовью. Многие парни, отслужив положенный срок, оставались на сверхсрочную службу, становились младшими командирами (сержантами и старшинами), выслуживались в средние командиры (лейтенанты), поступали в военные училища. Значительная часть отслуживших срок не возвращалась в свои деревни, оседала где-то в других местах, в основном в городах, на новых стройках» [Зиновьев, 2018, с. 48]. Но для оторвавшихся от деревни крестьянских парней годы, проведенные в разного рода советских образовательных учреждениях и на разного рода курсах, влияние новой среды уничтожало их прежние сознание, новое мировоззрение делалось доминирующим. Часто их новое сознание становилось подобием сознания прокурора, делало крестьянина верным сторонником коммунистической партии и ее вождя. «Учение Ленина-Сталина всеильно», «Нравственно то, что служит делу рабочего класса», «Цель оправдывает средства», «Великий Сталин – светоч коммунизма» – этими лозунгами объясняли, звали к новому, но ими же и оправдывали зло.

Не менее часто, чем убеждение, наравне с преданностью, задором и молодечеством, в душах перековавшихся людей селился страх. Он, как показала Х. Арндт, был фундаментальным и первичным основанием массового, не имеющего направленности, анонимного и регулярного геноцида [Арндт, 1996]. В качестве базовой врожденной эмоции страх коренится в инстинкте самосо-

хранения. Данная эмоция мобилизует силы организма на защиту при реальной или воображаемой опасности, но она же понуждает человека к бегству. Для пребывающих в страхе людей характерны необдуманные или бессознательные действия, паника. Приведенные характеристики страха давали о себе знать и в поведении людей на войне.

Страх на войне неоднократно видел и телефонист рядовой В. Астафьев. Вот, например, командир танкового полка или бригады, не умея разумно организовать оборону, расстреливает бросивших технику и бегущих от врага танкистов: *«Пьяный до полусмерти, он кричал: “Изменники! Суки! Труссы!” – и палил, палил, едва успевая менять обоймы, которые ему подсовывали холуи, тоже готовые праведно презирать и стрелять всех отступающих.*

И вообще за речкой обнаружилось: тех, кто жаждал воевать не с фашистом-врагом, а со своими братьями по фронту, гораздо больше, чем на противоположном берегу боеспособных людей.

...Володя Яшкин из окопчика, уже выкопанного до колен, видел, как примчался к речке косячок легковых машин, как из одной машины почти на ходу выскочил коренастый человек в кожаном реглане, с прискоком, что-то крича, махая рукой, побежал к берегу речки, нервно расстегивая кобурку. Он застрелил пьяного командира танкистов тут же, на месте. И с ходу же над речкой, на яру, чтобы видно всем было, сбили, скидали в строй остальных командиров в распоясанных гимнастерках с пятнами от с мясом выданных орденов и значков отличников боевой и политической подготовки. Этих расстреляли автоматчики из охраны командира, одетого в реглан. Успевшие попрятаться в пехотные щели танкисты, увидев, какая расправа чинится над предавшими их командирами, без понуканий оказались на другом берегу речки, чинили машины и под покровом ночи увели за водный рубеж, вкопали в берег три танка» [Астафьев, 2007, с. 153–154].

Центральная фигура, занимающаяся на фронте идеологической обработкой воинов, – политический начальник. Сознвая важность и даже первичность своей службы, по сравнению с военными делами, он зачастую не останавливается ни перед чем, в том числе – унижением боевых командиров. Таков один из персонажей астафьевского романа – начальник политического отдела дивизии Мусенок, расправу над которым устраивает капитан Щусь. Кажется, заслуженно. Но вот что по этому поводу говорит умудренный жизнью ко-

мандир полка: *«Мо-ло-дец! Экой ты молодец! Ай-я-а-ая! Ай-я-я-а-ай! А ты обо мне, о товарищах своих подумал? Об своей, наконец, седеющей, но нисколько не умнеющей голове подумал? Об детях своих и наших? Ты че, досе не понял, где живешь? С кем бедеуешь? До чего же эдак-то можно докатиться?..» [Астафьев, 2007, с. 554].*

Впрочем, это редкий, если вообще имевший место случай. Чаще люди находят в себе силы просто оставаться людьми. Это иное поведение наблюдают писатели-фронтовики, когда знают, что их герои не поддались идеологической обработке, что их представления о мире и человеке, о добре и зле, о смерти и бессмертии остались прежними. Что они покоятся на началах христианства, по которому душа человека – лишь одно из божественных проявлений, а вечная жизнь зависит от сохранения ее в чистоте, исключаяющей зло, страх, трусость, подлость.

Таковы в своих проявлениях крестьяне в военных рассказах Андрея Платонова. Вот солдат Алеев, вчерашний колхозный мастер-ремонтник, чинящий оружие: *«...он верил, он был убежден, что плуг и автомат – родственные машины; одна машина работает хлеб, другая работает на спасение жизни народа. Пахарь и солдат, по мнению Алеева, один и тот же человек, у них похожее занятие, но солдатское дело выше – оно подобно отцовству и даже еще важнее отцовства. Отцу достаточно родить человека, а солдат обязан его уберечь от всех гибельных вражеских сил нашего страшного мира. В рождении есть счастье, а в сохранении рожденного – труд и смертная опасность» [Платонов, 1944].*

Вот крестьянин Семен Иринархович, разговаривающий с майором Александром Степановичем о жизни и смерти, о том, что смерть даром не дается, кому-то надо и на земле дежурным быть. Глаза крестьянина выражают ожидание, «когда истина осенит его, – и тогда он будет способен на любую страсть, на подвиг и на смерть» [Платонов, 1943б]. Мудрость крестьянина от долгой жизни: *«Эх, милый человек, что нам немцы, если по уму их мерить! Уж наша власть на что умна, на что поворотлива была, а и то, бывало, наш крестьянин-то возьмет ее, умницу, да обманет – ну для своей пользы, конечно. А потом, может, и вред ему же будет, а он все-таки для проверки и на убыток пойдет – вот ведь как!*

...А Германия ихняя что? Глядел я тут на немцев: глупарь народ. Мы весь мир, говорят, завоюем. Воюйте, думаю, берите себе обузу.

Мир спокойн века завоевать хотели, Семен Иринархович: дураков много было.

Правда, правда твоя, Александр Степанович: негодному человеку всегда весь свет поперек стоит. Оно и понятно – старательно он жить не может, людей ведь много, и с каждым в соревнование нужно вступить, делом, стало быть, нужно показать, что ты лучше его. А по делу-то негодный и не поспеет, а жить ему хочется больше годного, удовольствие свое ему надо иметь скорее всех! Вот негодный и нашел себе идею: опростать землю от людей, чтоб их малость осталось, и те тогда напуганные будут и унижение почувствуют, а всю землю с нажитым добром под себя покорить. Тогда живи себе как попало и как хочется: раз весь мир под тобой – тебе стеснения нету, ты сразу лучше всех, и душа покойна, и пузо довольно...» [Платонов, 1943б].

А вот представленное Андреем Платоновым крестьянское (народное) сознание в его сопоставлении с сознанием немца-завоевателя: «*Это все Гитлер тебя напугал и научил, – сказал я противнику. – А какой же ты сам по себе? Я расслышал, как Вальц вздрогнул и вытянул ноги – строго, как в строю.*

Я не сам по себе, я весь по воле фюрера! – отпартовал мне Рудольф Вальц.

А ты бы жил по своей воле, а не фюрера! – сказал я врагу. – И прожил бы ты тогда дома до старости лет, и не лег бы в могилу в русской земле.

Нельзя, недопустимо, запрещено, карается по закону! – воскликнул немец. Я не согласился:

Стало быть, ты что же, – ты ветошка, ты тряпка на ветру, а не человек!

Не человек! – охотно согласился Вальц. – Человек есть Гитлер, а я нет. Я тот; кем назначит меня быть фюрер!» [Платонов, 1943а].

В этих рамках – от человека как личности и до человека как «назначенного» кем-то извне исполнять злую волю – и есть та шкала, на которой располагаются, с одной стороны «первыми разлагающиеся» в лагере партийные работники, а на другом – способные вынести тяготы войны и жизни крестьяне. Именно эту шкалу впервые намечает Андрей Платонов в романе «Чевенгур» [Неретина, 2019]. Хотя, конечно, по большому счету, прав Астафьев: «Свободой пользоваться мы не научены еще. Века в кабале и сотни лет в крепостной зависимости. Вот и весь опыт» [Астафьев, 2018, с. 116].

* * *

Народ, до середины XX столетия бывший синонимом крестьянства как социального слоя – основная часть населения страны. О его неразвитости, архаичности, начальном овладении культурой верно сказано и справедливо написано бесконечно много. Но это не вся правда. Справедливо и то, что много доброго он несет и хранит в себе, не смотря на зло, помимо зла, вопреки злу. Это он обнаружил на великой войне, названной Отечественной, хотя и велась она тоталитарным государством.

Библиографический список

1. Арендт Х. Истоки тоталитаризма. Москва : ЦентрКом, 1996. 672 с.
2. Астафьев В. П. Моя война. Писатель в окопах. Война глазами солдата. Москва : ООО «ГД Алгоритм», 2018. 224 с.
3. Астафьев В. П. Прокляты и убиты. Москва : Эксмо, 2007. 831 с.
4. Бешанов В. В. «Кроваво-Красная» Армия. По чьей вине? Москва : Яуза, Эксмо, 2010. 397 с.
5. Бешанов В. В. Великая Отечественная: Известная война. Москва : Яуза, Эксмо, 2000. 384 с.
6. Бунин И. Жизнь Арсеньева. Москва : Согласие, 2000. 401 с.
7. Зиновьев А. А. На коне, в танке и в штурмовике. Записки воина-философа. Москва : Алгоритм, 2018. 240 с.
8. Исаев А. В. Неизвестный 1941. Остановленный блицкриг. Москва : Яуза, Эксмо, 2012. 314 с.
9. Неретина С. С. Философская антропология Андрея Платонова / С. С. Неретина, С. А. Никольский, В. Н. Порус. Москва : Институт философии РАН, 2019. 236 с.
10. Платонов А. Неодушевленный враг. 1943а. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135110 (Дата обращения: 10.05.2020).
11. Платонов А. О советском солдате. (Три солдата). 1944. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=335302 (Дата обращения: 20.05.2020).
12. Платонов А. Офицер и крестьянин. (Среди народа). 1943б. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=335192 (Дата обращения: 15.05.2020).
13. Солонин М. С. Как Советский Союз победил в войне. Москва : Яуза-каталог, 2018. 276 с.
14. Сукнев М. И. Записки командира штрафбата. Воспоминания комбата 1941–1945. Москва : Центрполиграф, 2007. 253 с.
15. Шапталов Б. Испытание войной – выдержал ли его Сталин? Москва : АСТ, 2002. 381 с.

Reference list

1. Arendt H. Istoki totalitarizma = The origins of totalitarianism. Moskva : CentrKom, 1996. 672 s.
2. Astaf'ev V. P. Moja vojna. Pisatel' v okopah. Vojna glazami soldata = My war. The writer's in the trenches. War through the eyes of a soldier. Moskva : OOO «TD Algoritm», 2018. 224 s.
3. Astaf'ev V. P. Prokljaty i ubity = Damned and killed. Moskva : Jeksmo, 2007. 831 s.
4. Beshanov V. V. «Krovavo-Krasnaja» Armija. Po ch'ej vine? = «Blood Red» Army. Whose fault? Moskva : Jauza, Jeksmo, 2010. 397 s.
5. Beshanov V. V. Velikaja Otechestvennaja: Neizvestnaja vojna = Great Patriotic War: Unknown War. Moskva : Jauza, Jeksmo, 2000. 384 s.
6. Bunin I. Zhizn' Arsen'eva = The life of Arseniev. Moskva : Soglasie, 2000. 401 s.
7. Zinov'ev A. A. Na kone, v tanke i v shturmovike. Zapiski voina-filosofa = On the horse, in the tank and in the attack aircraft. Notes of a warrior-philosopher. Moskva : Algoritm, 2018. 240 s.
8. Isaev A. V. Neizvestnyj 1941. Ostanovlennyj blickrig = Unknown 1941. Stopped blitzkrieg. Moskva : Jauza, Jeksmo, 2012. 314 s.
9. Neretina S. S. Filosofskaja antropologija Andreja Platonova = Philosophical anthropology of Andrei Platonov / S. S. Neretina, S. A. Nikol'skij, V. N. Porus. Moskva : Institut filosofii RAN, 2019. 236 s.
10. Platonov A. Neodushevlennyj vrag = Lifeless enemy. 1943a. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=135110 (Data obrashhenija: 10.05.2020).
11. Platonov A. O sovetskom soldate. (Tri soldata.) = About the Soviet soldier. (Three soldiers.) 1944. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=335302 (Data obrashhenija: 20.05.2020).
12. Platonov A. Oficer i krest'janin. (Sredi naroda.) = Officer and peasant. (Among the people.) 1943b. URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=335192 (Data obrashhenija: 15.05.2020).
13. Solonin M. S. Kak Sovetskij Sojuz pobedil v vojne = How the Soviet Union won the war. Moskva : Jauza-katalog, 2018. 276 s.
14. Suknev M. I. Zapiski komandira shtrafbata. Vospominanija kombata 1941–1945 = Notes of the commander of the penal battalion. Memories of the battalion commander 1941–1945. Moskva : Centrpoligraf, 2007. 253 s.
15. Shaptalov B. Ispytanie vojnoj – vyderzhal li ego Stalin? = The test of war – did Stalin stand it? Moskva : ACT, 2002. 381 s.